

**HUMAN RIGHTS IN XXI-TH CENTURY:
THE 70-TH ANNIVERSARY OF THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS**

Abstract

In this article the author provides the value of Universal Declaration of human rights, which was proclaimed in 1948 by the General Assembly of United Nations. The author also gave an assessment of the role of those Declaration in the legal regulation of human rights, in the implementation of their provisions in the International Covenants about personal and political, economic, social and cultural rights.

Keywords: *constitution rights, human rights, Universal Declaration, United Nations, international day of human rights, digital rights, implementation of rights, Constitution Court of Russian Federation.*

УДК 340.12

DOI: 10.22394/2074-7306-2018-1-3-15-22

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИКИ И ИСКУССТВА
В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «ГОСУДАРСТВО»**

**Кравцов
Николай
Александрович** кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права,
Южный федеральный университет
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88).
E-mail: nikikrvtsv@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется концепция взаимодействия государства, права и искусства одного из крупнейших философов Античности – Платона. Подчеркивается эстетический смысл политического учения мыслителя. В связи с этим опровергается устоявшееся мнение, согласно которому сословие ремесленников трактуется как подчиненное сословие. Уделяется внимание взглядам Платона на значение искусства для воспитания граждан. Также рассматриваются подробности платоновских предложений в области государственной цензуры произведений искусства.

Ключевые слова: *государство, право, искусство, эстетика, платонизм, философия, цензура.*

Платоновский диалог «Государство» – первая крупная политико-философская работа, в которой соотношение государства, законодательства и искусства возводится на уровень концепции.

Проблема искусства, в которой исследователи диалога зачастую видят лишь элемент воспитания высших сословий, имеет в сочинении принципиальное значение. В своё время А. Ф. Лосев верно указывал: общественно-политическую философию

фию Платона можно рассматривать как «систему эстетики». Хотя бы потому, что платоновское государство – «образ известного первообраза» [1, с. 711 – 713].

В проекте проявляется «субстанциальный символизм» в рассмотрении политической жизни как «символа вечности». Здесь «Платон... подвергает резкой критике все реально существовавшие... формы общественно-государственной жизни. При всём этом сам он только и мечтает о вечности и о водворении на земле вечн неподвижных порядков и рассуждает так, как будто бы весь исторический процесс можно остановить увековечить, превратить в нерушимый, раз навсегда достигнутый идеал» [1, с. 713]. Такой символизм, преподнесённый в контексте идеала, несёт эстетическое начало, уподобляясь символизму в искусстве.

Верно и утверждение А. Ф. Лосева, что эстетически следует воспринимать трёхсословную систему политической организации, которую планировал философ. Эстетическое начало здесь не в самом разделении, а в симметрии и гармонии разделения. Симметрия и гармония придают проекту «скульптурность» и «пластичность»: «Три сословия в «Государстве» Платона образуют собой некоторого рода единую и симметрически построенную скульптурную группу, состоящую из трех фигур. Посредине стоит философ, выражающий и своим лицом и своими жестами обладание вечной истиной для передачи её тому, кто стоит направо, и тому, кто стоит налево от него. Направо стоит воин, а налево, допустим, работник. Эти две крайние фигуры не имеют ничего общего со средней фигурой, но обе они всем своим видом свидетельствуют об осуществлении ими того, что приказывает философ, составляющий среднюю фигуру... Вместе с этим здесь, однако, не только симметрия... Здесь ещё и гармония, поскольку простое соотношение элементов дано здесь в виде единого результата, а именно той общей цельности, которая и есть гармония. Между прочим, у Платона имеется специальный термин, выражающий собою в положительной форме как раз эту гармоническую цельность симметрически построенной общественной жизни. Это – знаменитая платоновская «справедливость», которая рисуется в «Государстве» именно как равновесие трех сословий... Таким образом, учение Платона о сословиях идеального государства построено на принципах симметрии, то есть является учением эстетическим, и трактует общественно-политическую жизнь как известного типа художественную действительность» [1, с. 714 – 715]. С точки зрения эстетики, в архитектонике проекта превалирует принцип формы. Красота проекта больше в его форме, чем в содержании. Этот принцип переносится и в политическую составляющую проекта. В отличие от того, что позже будет предложено в «Законах», здесь Платон избегает детализации. Нет подробностей регулирования общественных отношений. Расчет на то, что форма сама найдёт содержание. Тут – параллель с формалистическим принципом в искусстве: главное – нахождение эстетически ценной формы произведения. От формализма мыслитель отречется в «Законах». Он сконцентрируется на содержании отношений, на должном и детальном регулировании с помощью совершенных законов. В вопросе о форме полиса он откажется от императивности и ограничится лишь общими рекомендациями. Будет выдвинут тезис: форма государства должна приспособляться к действующим законам! Если бы Платон уделил внимание проблеме законодательства в первом проекте, то он предложил бы зеркальное отображение этой формулы: законы должны приспособля-

ваться к неизменной, прекрасной и совершенной форме организации государства. Значит, эстетический принцип формы становится в первом проекте абсолютным. Из него вытекают другие составляющие проекта. Несомненно, важны параллели с организацией человеческой души. Соотношение начал ее подобно сочетанию начал государства. Но это тоже вторично, ибо концепция строения души тоже подчиняется эстетическому принципу формы.

А. Ф. Лосев верно подчеркнул: «Как известно, Платон устанавливает в своём идеальном государстве три сословия... Но самое интересное здесь то, что эти три идеальные сословия образуют, по Платону, нерушимое единство и равновесие. И такое равновесие Платон называет справедливостью. Это означает не что иное, как проведение именно художественного принципа гармонии в учении о трех сословиях государства. Из этого видно, что... отождествление природы и искусства осуществляется Платоном не только в индивидуальном человеке, но и в обществе или государстве, поскольку здесь всё основано на полном подчинении правителям-мудрецам, а правители-мудрецы есть не что иное, как осуществление умопостигаемого единства природы и искусства» [1, с. 360 – 361].

Интересно, что Платон не только эстетизирует полис, но и политизирует искусство, заявляя: «всякое искусство... это власть и сила в той области, где оно применяется» [2, с. 98]. На это определение обычно обращают мало внимания, но его значимость принципиальна. Платон не только применяет к государству те принципы, которые привычно применяются к искусству, но и вносит в искусство политический принцип властвования. Одна из основ политической эстетики Платона: единство власти прекрасного и прекрасной власти!

Философ убежден: всё неэстетичное родственно злонравию, а эстетически приемлемое – нравственности. Вывод: «Неужели только за поэтами надо смотреть и обязывать их либо воплощать в своих творениях нравственные образы, либо уж совсем отказаться у нас от творчества? Разве не надо смотреть и за остальными мастерами и препятствовать им воплощать в образах живых существ, в постройках или любой своей работе что-то безнравственное, разнузданное, низкое и безобразное? Кто не в состоянии выполнить это требование, того нельзя нам допускать к мастерству, иначе наши стражи, воспитываясь на изображениях порока, словно на дурном пастбище, много такого соберут и поглотят – день за днём, по мелочам, но в многочисленных образцах, и из этого незаметно для них самих составится в их душе некое единое великое зло. Нет, надо выискивать таких мастеров, которые по своей одарённости способны проследить природу красоты и благообразия, чтобы нашим юношам подобно жителям здоровой местности всё шло на пользу, с какой бы стороны не представилось их зрению или слуху что либо из прекрасных произведений...» [2, с. 167 – 168].

Это даёт нам повод опровергнуть упрёк Платону в том, что сословие ремесленников, якобы, не имеет в его проекте иного значения, кроме вспомогательного, производительного. Нельзя забывать, что к ремесленникам в то время относились и деятели искусства. Значит, низшее сословие не только производит необходимые предметы но и создаёт произведения, воспитывающие представителей высших со-

словий. Неверно и то, что, описывая образ жизни стражей и философов, Платон не предъявляет требований к ремесленникам. Нет! Все требования, которые он предъявляет к художественному творчеству – это, одновременно, требования к сословию ремесленников. Запрет на воплощение в произведениях безобразного, низкого и разнузданного относится не только к искусству, но и в общем к сфере «технэ». Платон требует от ремесленников избегать этого в «любой работе»!

В основе сословия ремесленников находится, как известно, деловое начало; оно соответствует вожделеющему началу души. У Платона вождение связано с творчеством! Так, в «Пире» творчество сопричастно Эроту. Значит, следует правильно понимать положение ремесленников в проекте. Они не только «производители», не угнетённые, но носители творческого начала. В отличие от философов и стражей, не ведя «прекрасной жизни», они творят прекрасное своим трудом. Не воспитываясь, как стражи, создают то, чем воспитываются стражи. И, конечно, они гораздо больше, чем «пролетариат».

Элементом взаимодействия искусства и государства у Платона было использование искусства для воспитания граждан. Подобно своим предшественникам, он признаёт дидактическое начало в искусстве, как и учение о музыкальном этосе. В этой системе воспитания мусическому искусству отводится первейшая роль: «В этом главнейшее воспитательное значение мусического искусства: оно более всего проникает в глубь души, и всего сильнее её затрагивает; ритм и гармония несут с собой благообразие, а оно делает благообразным и человека, если он правильно воспитан, если же нет, то наоборот» [2, с. 168]. Вроде бы, он просто соглашается с доктриной музыкального этоса, констатируя, что ритм и гармония несут в себе нечто нравственно ценное. Но ритм и гармония делают благообразным не любого человека (позиция пифагорейцев), а только «правильно воспитанного». Воспитание музыкой должно опираться на воспитание в других областях. Иначе искусство принесёт только вред. Вот повод задуматься о глубоком сочетании у философа искусства и политики. Он считает, что государство не может воспитывать граждан без искусства, а искусство будет эффективным, если государство обеспечит воспитание граждан в остальном.

Имеет значение поэтическая составляющая мусического искусства. Упрекнув Гомера и Гесиода за лживые сказания, Платон приходит к выводу: «Их и не следует рассказывать... в нашем государстве. Нельзя рассказывать юному слушателю, что, поступая крайне несправедливо, он не совершает ничего особенного... и что он просто делает то же самое, что и первые, величайшие боги... Как и вообще о том, что боги воюют с богами, строят козни, сражаются – да это и неверно; ведь те, кому предстоит стоять у нас на страже государства, должны считать величайшим позором, если так легко возникает взаимная вражда» [2, с. 141 – 142]. Тут впервые указывается на необходимость государственной цензуры творчества. Речь пока идёт лишь о запрете нравственно недопустимого. Но Платон идёт дальше.

Оказывается, о нравственном в деяниях богов «поэтов надо заставить об этом писать в своём творчестве» [2, с. 142]. Государственное регулирование искусства не заключатся только в запрете вредной литературы. Государство должно заставлять

писать о том, что считает необходимым. Здесь философ решительно порывает с греческой традицией относительной свободы творчества. Моральное право государства предъявлять требования к содержанию поэтических произведений обращается в право юридическое. Речь идёт уже не о рекомендациях, а о предписаниях («надо заставить»).

Цензорами должны быть на основатели и правители государства. По поводу каждого правителя должно быть выяснено, «хороший ли он страж как самого себя, так и мусического искусства, которому обучался?» [2, с. 183]. Для выполнения этих функций не требуется знания тонкостей искусства. «Достаточно знать основные черты поэтического творчества и не допускать их искажения». Такая цензура может быть только грубой и прямолинейной. Она убьёт творчество. Знание одних основ, приведёт к безумию в их охране. Это исключит новаторство в искусстве. Незнание нюансов влечет страх перед ними. Страх же порождает запреты. Но это не пугает Платона с его стремлением к закреплению идеалов, с его пониманием прекрасного, как идеального и неизменного.

Платон заключает: «У нас вызовет негодование тот, кто станет говорить подобные вещи о богах, мы не дадим ему хора и не позволим учителям пользоваться такими сочинениями при воспитании юношества» [2, с. 148]. Это уточняет детали цензуры. «Давать хор» означает «разрешить театральную постановку. Речь идёт о праве государства отказать в постановке нравственно сомнительных, с его точки зрения, драм. Указание же на учителей означает цензуру в сфере государственного воспитания.

Далее Платон не смущается возможностью правки классиков. Также он прямо говорит: «Мы заставим поэтов утверждать...» [2, с. 155]. И далее: «Подобные высказывания мы запретим и предпишем и в песнях, и в сказаниях излагать как раз обратное».

Философ понимает: такие крайние для афинской политической практики меры, должны быть обоснованы. И он предлагает учение о «подражательной» поэзии, о такой, что лишь подражает душевным движениям, не направляя их. Он пишет: «В наше государство поэзия принимается лишь постольку, поскольку это гимны богам и хвала добродетельным людям. Если же ты допустишь подслащённую Музу, будь то мелическую или эпическую, тогда в этом государстве воцарятся у тебя удовольствие и страдание вместо обычая и разумения, которое, по общему мнению, всегда признавалось наилучшим».

Платон предполагал запретить постановки нравственно сомнительных сочинений. Но парадокс в том, что запрет оказывается излишним, ибо далее ставится вопрос о запрещении театра вообще: «Если же человек, обладающий умением перевоплощаться и подражать чему угодно, сам прибудет в наше государство, желая показать нам свои творения, мы преклонимся перед ним, как перед чем-то священным, удивительным и приятным, но скажем, что такого человека у нас в государстве не существует и что не дозволено здесь таким становиться, да и отошлём его в другое государство... а сами удовольствуемся, по соображениям пользы, более суровым, хотя

и менее приятным, поэтом и творцом сказаний...» [2, с. 163]. То есть в государстве, где есть нравственно полезная назидательная поэзия, театр излишен.

Философ ещё не ведёт речи о воспитании всех, без исключения, граждан. Главное – воспитание стражей. Здесь важны искусства. Гимнастическое и (первоочередно) мусическое воспитание стражей объявляется необходимым [2, с. 139 – 140]. Его идеалом признаётся простота. Чрезмерное разнообразие ведёт к нравственной распущенности [2, с. 172]. В чём эта простота?

Прежде всего, это касается музыки. Должны быть «изъяты» лады, изнеживающие и свойственные причитаниям лады. Два пригодных лада это дорийский, для опасности и несчастий («вынужденный») и фригийский – для мира и разумности в деяниях («добровольный»). Полифония и ладосмешение излишни. Запрещаются многострунные инструменты, настраиваемые на разные лады. Флейта, инструмент простой и одноголосный, дозволена. Из всех струнных дозволена лира и кифара – для горожан. Для пастухов сгодятся простые свирели [2, с. 165 – 166]. Нужно пояснить. Когда в переводах античных классиков встречается слово «флейта», так некорректно переводится слово «авлос». Авлос был ближе к тростевым деревянным духовым инструментам, как гобой, дудук или зурна. Кроме пастушеской свирели, античности не знала аналогов современной флейты. Такой авторитет, как Е. Герцман писал: «Существует давнее и глубокое заблуждение: почти всегда «авлос» и «тибия» переводят на современные европейские языки как «флейта». Поэтому если при знакомстве с переводами античных памятников литературы читатель встречает слово «флейта», то он должен помнить, что в греческом источнике ведётся речь об авлосе, а в латинском – о тибии, которые не имели ничего общего с инструментом, именуемым сейчас «флейтой» [3, с. 42].

Платон придаёт важное значение дорийскому ладу. В греческой парадигме это не случайно. У греков словосочетание «дорийский строй» относимо не только к музыкальному ладу, или стилю, но и к форме государственного устройства. Как, например, у Плутарха: «С тех пор как город сикионян расстался с подлинно дорийским аристократическим строем, былому согласию пришел конец и начались раздоры между честолюбивыми вожаками народа» [4]. Под дорийским понимается аристократический строй. Не случайно Платон, проповедовавший идеалы аристократии, в качестве важнейшей музыкальной основы государства предполагает дорийский лад. Здесь образец гармонии эстетических и политических начал в древнегреческом мышлении.

Требования философа выходят за рамки ладовой системы. Другие элементы музыкальной и поэтической ткани также должны контролироваться. Не все лады годятся для воспитания стражей. Аналогично, и для мусического искусства пригодны не все размеры и ритмы, а только те, что соответствуют «упорядоченной и мужественной жизни» [2, с. 166].

Платон уверен: сочетание музыки и гимнастики гармонизируют друг с другом разумное и яростное начала: «способность рассуждать оно сделает стремительнее и будет питать её прекрасными речами и науками, а яростное начало оно несколько ослабит, смягчая его словами и успокаивая гармонией и ритмом» [2, с. 216].

Мусическое искусство – противовес гимнастике. «Оно воспитывает нравы стражей: гармония делает их уравновешенными, хоть и не сообщает им знания, а ритм сообщает их действиям последовательность. В речах их также оказываются родственные этим свойства мусического искусства, будь то в произведениях вымышленных, или более близких к правде» [2, с. 303 – 304].

Дальше следуют детали. Конкретизируются требования, касающиеся запретов в области поэтической литературы. Под запрет попадает Гомер. Он-де лживо изображал деяния богов и героев. Присутствует и неожиданный, если не сказать – «невероятный» для современного читателя подход к творчеству Гомера. Тот не смел рассуждать «о самом великом и прекрасном – о войнах, о руководстве военными действиями, об управлении государством, о воспитании людей», поскольку не имел опыта в этом; ни одно из государств не получило от него лучшего устройства, и ни признаёт его «благим законодателем». Гомер не прославился ни как военачальник, ни как воспитатель великих государственных мужей [2, с. 394 – 395]. Платон даже не понимает, что это касается и его самого (!).

Не один Гомер раздражает Платона. Трагики обвиняются в том, что «привлекают граждан к тирании и демократии», поэтому в наилучшем государстве им нет места [2, с. 358]. Это не кажется необоснованным, учитывая историческую среду. Трагедия возникает в Греции в период тирании и развивается при демократии. Поэтому ее классики или симпатизировали тиранам, или славили демократию, подарившую им, в том числе свободу творчества. Для Платона был приемлемым только аристократический идеал. Искусство, порождённое порочными государственными устройствами, было для него тоже нравственно порочным. Он не представляет себе, чтобы в его аристократии государстве появились трагики, воспевающие этот строй, не менее горячо, чем их предшественники воспевали тиранию и демократии. В «совершенном государстве» артисту некого и не за что славить.

Государственное регулирование распространяется и на живопись. Будучи подражательным искусством, она «творит произведения, далёкие от действительности и имеет дело с началом нашей души, далёким от разумности; поэтому такое искусство и не может быть сподвижником и другом всего, что здраво и истинно» [2, с. 399]. Здесь замаскированный запрет живописи. В старости философ признает ее право на существование, но при условии ограничений по «египетскому» образцу.

В завершение заметим, что сближение проблематики государства с проблематикой искусства не сводится у Платона к перечислению мер государственного воздействия. Политическим добродетелям придаётся эстетический смысл.

Важная добродетель совершенного государства – рассудительность (софросина). А.Ф. Лосев считал: в этом понятии следует видеть эстетический смысл. «Софросина «походит на симфонию и гармонию»... она отличается от мужества и мудрости тем, что «устанавливается в целом городе и отзывается во всех его струнах то слабейшими, то сильнейшими, то средними, но согласно поющими одно и то же звуками...». Таким образом, всё идеальное государство у Платона сверху донизу поёт, сверху донизу пронизано симфонией и гармонией, сверху донизу есть космос; а имя этой

музыки, этой всеобщей симфонии и гармонии этого всеобщего космоса – софросина» [1, с. 429].

Эстетически трактуется Лосевым и справедливость. Она относится к «эстетике середины», являясь «осью симметрии всех добродетелей» [2, с. 430 – 431].

Это справедливо и в отношении добродетели мудрости. «Философская мудрость у Платона является не чем иным, как водворением в душе человека числовым образом размеренных и практически-художественно осуществлённых движений небесного свода. Следовательно, и «мудрость» Платона есть категория математическая, то есть арифметически-геометрическая, музыкально-астрономическая. Эстетика Платона и здесь, как и везде, остаётся в основном геометрией и астрономией» [2, с. 573].

Немаловажен и тот факт, что в тексте диалога термин «Прекрасный город» – «каллиполис» – употребляется как синоним совершенного государства [2, с. 310]. Вспомним, что красота полиса и его политическое совершенство равноценны и в описании Атлантиды в «Критии», которое мы не рассматриваем ввиду его широкой известности.

Литература

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 2000.
2. Платон. Государство // Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 3 М., 1994.
3. Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995.
4. Плутарх. Арат – http://lib.ru/POEEAST/PLUTARH/plutarkh5_8.txt

---

Kravtsov Nikolay Aleksandrovich, candidate of Law Sciences, associate professor of the Department of theory and history of state and law, the Southern federal university (88, Gorkogo Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: nikikrvtsv@yandex.ru

PROBLEM OF INTERACTION OF POLICY AND ART IN PLATON'S DIALOGUE "STATE"

Abstract

In article the concept of interaction of the state, the right and art of one of the largest philosophers of Antiquity – Platon is analyzed. The esthetic sense of the political doctrine of the thinker is emphasized. In this regard the assumption according to which the estate of handicraftsmen is treated as the subordinated estate is disproved. Attention is paid to Platon's views of value of art for education of citizens. Also details of platonovsky offers in the field of the state censorship of works of art are considered.

Keywords: *state, right, art, esthetics, platonizm, philosophy, censorship.*